

НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ САМОЙЛОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-1361-0847; n.samoylov@spbu.ru

КИТАЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

А н н о т а ц и я . В статье впервые комплексно рассматривается роль Петра Великого в формировании китайского направления российской внешней политики в начале XVIII века. Вклад Петра в этот процесс поистине неоценим. Своей деятельностью первый российский император заложил основы для создания единого евразийского геополитического и социокультурного пространства и сформировал парадигму евразийской политики Российской империи. В этот период, благодаря усилиям Петра, стала активно развиваться русско-китайская торговля. Появление в Пекине Российской Духовной миссии положило начало духовным, научным и культурным связям между двумя странами. Политика Петра Великого в отношении Китая в целом была направлена на поддержание мира и добрососедства между двумя странами и спокойствия на российско-китайской границе. Актуальность данной темы в настоящее время обусловлена устойчивым поворотом внешней политики России на Восток и необходимостью более глубокого изучения истории российско-китайских отношений.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Петр Великий, внешняя политика, российско-китайские отношения, империя Цин, Канси, Джунгарское ханство

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Самойлов Н. А. Китайское направление внешней политики Петра Великого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 69–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.769

ВВЕДЕНИЕ

В результате реформ Петра Великого в начале XVIII века в России произошли кардинальные перемены, не только повлиявшие на ее внутреннюю эволюцию, но и отразившиеся на геополитическом положении. Россия сделала резкий рывок вперед в своем экономическом и социокультурном развитии и буквально на глазах превратилась в великую державу, обладавшую современной армией и военно-морским флотом. В Петровскую эпоху активизировались торговые связи с зарубежными странами, что способствовало увеличению роли внешней торговли в экономике государства.

Петровская Россия вела активную внешнюю политику, и, хотя в первой четверти XVIII века основное внимание было сосредоточено на европейских делах, включая в первую очередь борьбу за выход к Балтийскому морю, Петр I в то же время расширял связи России со странами Востока, включая Китай. Внешняя политика стала многовекторной, и Российская империя, окончательно

превратившись в евразийскую державу, вошла как в европейскую, так и в азиатскую системы международных отношений, что повлекло за собой серьезные перемены во внешнеполитической практике. Для европейской дипломатической традиции была характерна горизонтальная структура межгосударственных связей, основанная на представлениях о равноправии суверенных правителей, в то время как на востоке Азии доминировала вертикальная модель отношений, базировавшаяся на восходивших к конфуцианскому учению иерархических представлениях и китаецентристской парадигме миропорядка. Все это привело к тому, что отношения России с империей Цин стали представлять собой смешанный тип международных отношений, и России пришлось долгое время бороться за дипломатическое равноправие.

Академик В. С. Мясников отмечал, что «азиатская политика России – это особый феномен, достойный отдельного изучения», при этом «речь идет не столько об устремлениях России

в Азии... сколько о методах реализации ее политики» [6, т. 3: 13]. С освоением Сибири Россия еще в XVII веке стала превращаться в евразийское государство, постепенно вписываясь в геополитическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона, однако только благодаря политике Петра Великого этот процесс приобрел завершенный характер. Анализируя сложившуюся в то время геополитическую и геоидеологическую ситуацию, В. С. Мясников пишет:

«Петровские реформы позволили России обрести над странами Востока заметное превосходство в комплексной мощи государства. Тем не менее в глазах Европы Россия оставалась форпостом Востока, а в Азии ее считали авангардом Запада» [6, т. 7: 53].

Европейские монархи того времени, хотя и поддерживали активные связи с Россией, все же не считали ее в полном смысле слова европейской страной.

Учитывая сложность внешнеполитического контекста, Петр I осознал, что только кардинальное изменение геостратегических приоритетов может предопределить превращение России в сильную державу. Именно в Петровскую эпоху отчетливо проявилось стремление российской внешней политики построить «некую интеграционную модель связей с Востоком» [6, т. 7: 54].

К началу царствования Петра I Россия на всем протяжении своей сибирской и дальневосточной границы вошла в соприкосновение с Цинской империей, что предопределило интерес петровского правительства и сибирской администрации к развитию российско-китайских связей. Результатом внешнеполитической деятельности Петра Великого стало качественное изменение характера и содержания этих отношений, наступил длительный период мирного сосуществования двух соседних империй. Начало Петровской эпохи в истории нашей страны совпало с подписанием русско-китайского Нерчинского договора 1689 года, а завершились начатые при Петре дипломатические контакты с Цинской империей подписанием Кяхтинского трактата в 1727 году, уже после кончины императора.

НЕРЧИНСКИЙ ДОГОВОР

Начало царствования Петра I связано с установлением договорно-правовых отношений между Россией и Китаем. 27 августа (6 сентября) 1689 года в Нерчинске между Русским государством и Цинской империей был заключен договор, определивший линию разграничения между двумя государствами и установивший торговые отношения. Это произошло как раз в те дни, ког-

да обострилось противостояние между молодым царем Петром и царевной Софьей Алексеевной, завершившееся полной победой Петра I. И хотя условия этого договора были весьма невыгодны для русской стороны, поскольку России пришлось пойти на существенные территориальные уступки, историческое значение данного документа может быть в полной мере оценено лишь с учетом долгосрочной исторической перспективы. Нерчинский договор, долгое время рассматривавшийся в научной литературе лишь с дипломатической и юридической точек зрения, представлял собой образец компромисса двух цивилизационных систем [8].

С русской стороны договор подписал глава делегации – боярин Федор Алексеевич Головин, проявивший в ходе переговоров недюжинный дипломатический талант и сумевший свести к минимуму территориальные потери Русского государства. В дальнейшем он стал одним из ближайших сподвижников Петра I, занимаясь в том числе вопросами внешней политики. И без того непростая миссия Ф. А. Головина была осложнена внутривластной борьбой, происходившей в то время в Москве, и активным вмешательством ближайших сторонников царевны Софьи во внешнеполитические вопросы. Современные отечественные историки доказали причастность главы Стрелецкого приказа Ф. Л. Шаблового к выработке (в обход Посольского приказа) новых инструкций Ф. А. Головину, предусматривавших уступки цинской стороне, вызванные сиюминутными соображениями и конъюнктурными интересами [5: 226–227].

Таким образом, Нерчинский договор явился для Петра данностью – наследием внешнеполитической деятельности прежнего правительства, и в целях поддержания мира на Дальнем Востоке царь должен был его соблюдать. Значение документа, оформившего договорные отношения с Китаем, заключалось в том, что в условиях прекращения конфронтации двух государств ничто более не препятствовало хозяйственному освоению не только Сибири, но и российской части Дальнего Востока. Лишившись на определенное время приамурских земель, Россия продолжила развиваться как азиатская и тихоокеанская держава. После подписания этого договора между Россией и Китаем установились регулярные торговые отношения. Но самое главное: Нерчинский договор почти на 200 лет обеспечил мир на Дальнем Востоке и заложил основы системы региональной безопасности. В тексте Нерчинского договора было сказано: «А войны и кровопролития с обеих сторон... не всчинать»¹,

и это означало, что любые конфликты и недоразумения должны были разрешаться исключительно путем переговоров. Благодаря этому на российско-китайской границе вплоть до конца XIX века не было серьезных конфликтов, все спорные вопросы решались переговорным путем. Эти факты можно считать главным результатом компромисса, достигнутого в 1689 году в Нерчинске.

Следует особо отметить, что в царствование Петра I действия русского правительства и сибирской администрации были направлены на неукоснительное исполнение всех статей Нерчинского договора, и сам царь неоднократно высказывался о необходимости его строгого соблюдения. 11 февраля 1706 года в целях недопущения конфликтных ситуаций Петр I подписал указ о запрещении русским подданным нарушать договор и переходить границу Цинской империи:

«Указали мы, великий государь, учинить приказ, чтоб за китайской рубеж за границу по договорным статьям русские люди с стороны нашего царского величества ни для какова промыслу отнюдь не ходили и от того договорным статьям нарушения, и с Китайским государством ссор не чинили... А буде кто за китайской рубеж для какого промыслу пойдет, а про то нам, великому государю, будет донесено, и тем людям, кто за китайским рубежем явитца, и за недосмотр того вам и прикащиком учинена будет смертная казнь без всякого отлагательства»².

В тексте Нерчинского договора говорилось о том, что подданным обоих государств разрешалось свободно вести торговлю:

«Каким-либо не есть людям с проезжими грамотами из обеих сторон для нынешние начатые дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати и отъезжати до обеих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно да повелено будет»³ [14: 10].

Основными центрами российско-китайской торговли стали Нерчинск и Селенгинск, а позднее – Кяхта, развивалась караванная торговля.

ПОСОЛЬСТВО ИЗБРАНТА ИДЕСА И АДАМА БРАНДА

В 1692 году по инициативе Петра I, чтобы избежать лишних дипломатических коллизий, в Посольском приказе было принято решение направить в Китай полуофициальную миссию. Выбор пал на находившихся в России голштинца Эверта Избранта Идеса и любекского купца Адама Бранда, заинтересованных в торговле с Китаем и рекомендованных Ф. Лефортом.

Важнейшей задачей данной миссии стало завершение цинского правительства в том, что Рос-

сия намерена строго выполнять Нерчинский договор, а также выяснение отношения императора Канси и его окружения к данному договору и их готовности к его соблюдению. Избрант Идес во время пребывания в Пекине, согласно данным ему указаниям, «проведывал о договоре вечно-го миру, что как богдыхан принял мир и будет ли ево держать нерушимо»⁴ и нет ли с цинской стороны стремления нарушить Нерчинский договор. Вторым вопросом, который предстояло выяснить Идесу, касался перспектив развития русско-китайской торговли. Ему следовало узнать, нет ли у цинской администрации планов направить в русские земли «купчин» и товары, а также не хочет ли император «послов и посланников своих... к великим государям» отправить⁵. С целью создания условий для расширения двусторонней торговли Идес и Бранд во время поездки и пребывания в Пекине должны были всячески расхваливать (по сути рекламировать) русские товары, которых нет в Китае и сопредельных странах, что они и делали.

Поскольку в Москве считали, что необходимо всячески поддерживать спокойствие и мир на русско-китайской границе, Идесу было предписано собрать информацию о состоянии дел в пограничных районах и составить подробный чертеж приграничных территорий, занимаясь этим делом достаточно скрытно, а после «написать в статейном списке о том самую правду, не прибавляя и не убавляя ничего» [6, т. 3: 169].

Благодаря установленным связям с иезуитами, прежде всего с французским миссионером Жербийоном, выполнявшим у императора Канси обязанности переводчика, Идесу удалось узнать в Пекине о том, что цинский двор и сам император Канси воспринимают Нерчинский договор позитивно и не планируют его нарушать, не желая вступать в конфронтацию с Россией:

«Сказал ему, Елизарью, езуит французенин, что богдыхан принял мир с любовью и с великими государи тот мир вельми желает держать нерушим. И впредь царского величества над городами никакого зла не мыслит...»⁶.

К тому же в это время полным ходом шла подготовка к войне Китая с Джунгарией, и цины не стремились к конфликту с Россией.

Поскольку Идес не имел официального дипломатического ранга, ему было позволено выполнить все требования китайского церемониала, включая *коуту*⁷. О том, как это происходило, описано в разных источниках:

«Ноября 17 Избрант представлен был Богдыхану. Увидев его на возвышенном месте сидящего, кланялся

он по учиненному прежде условию, стоя на коленях, трижды потрижды головою до земли»⁸.

То, что посланник русского царя не стал противиться и выполнил положенный церемониал, вызвало одобрение императора Канси:

«По принесении столов с яствами, спросил Богдыхан чрез ближних своих людей о здравии их Величеств, подозвал его, Избранта, к себе, жаловал его из своих рук горячим вином»⁹.

Проблема заключалась в том, что иностранные послы считали церемонию *коутю* унижительной и нарушающей нормы европейского дипломатического этикета, поэтому старались ее не выполнять, что во многих случаях вызывало неприятие китайской стороны и недопуск иностранных посланцев к императору. Однако, хотя данный вопрос всегда оказывался камнем преткновения в отношениях Китая со странами Запада, в российско-китайских отношениях он был лишь поводом для незначительных препирательств во время переговоров, и в случае необходимости российские посланники исполняли данный церемониал как в полном, так и усеченном варианте.

Посланцы Цинской империи в свою очередь совершали подобные церемонии при российском дворе. В 1729 году первое официальное посольство Цинской империи прибыло в Москву, где тогда находился двор. Оно было принято императрицей Анной Иоанновной в тронном зале Кремлевского дворца. При этом «послы совершили три земных поклона. И пока читался перевод речи, стояли на коленях»¹⁰. Описывая данный эпизод, И. Я. Коростовец обратил внимание на то, что «китайские посланники на аудиенции у русской Государыни добровольно исполнили все церемонии»¹¹, от которых в Китае часто отказывались западные и русские дипломатические представители. Подарки, привезенные Идесом императору Канси, в основном включали изделия из янтаря: зеркала в янтарных рамах, янтарный кубок, паникадило, шанданы (подсвечники), а также меха¹².

В феврале 1695 года миссия вернулась в Россию, и «Его Величество принял господина Избранта, который вернулся в Москву со своего посольства в Китай»¹³. Идес привез с собой и вручил Петру «разные редкости и отчеты о его переговорах». Кроме того, он смог провести в Китае выгодные торговые операции и приобрел много китайских товаров. Франц Лефорт писал, что Идес привез из Китая

«прекрасные драгоценные камни, среди которых есть сапфир ценностью, как говорят, десять тысяч талеров, весом 20 золотников и исключительно хорошего цвета»¹⁴.

Миссия Избранта Идеса и сопровождавшего его Адама Бранда имела существенное значение в становлении дипломатии Петра на китайском направлении его внешней политики.

ПОЕЗДКИ ЛОРЕНЦА ЛАНГА В КИТАЙ

Полуофициальная форма контактов с цинским императором Канси была продолжена Петром I и связана с именем Лоренца Ланга, пользовавшегося неограниченным доверием царя и фактически ставшего его личным посланником. В течение целого ряда лет швед Л. Ланг являлся активным участником контактов между Россией и цинским Китаем [15: 272].

Формальная цель первой поездки Ланга в Пекин (всего в общей сложности он посетил Китай шесть раз) состояла в сопровождении врача ко двору цинского императора Канси, а также в приобретении китайских печных изразцов для строившегося в то время Петергофского дворца. Дело в том, что Канси, наслышанный о европейской медицине, обратился к Петру с просьбой прислать хорошего доктора, и царь в 1715 году направил в Пекин англичанина Томаса Гарвина, хирурга петербургской больницы (в феврале 1717 года он возвратился в Россию). Лоренц Ланг должен был сопровождать его в Китай.

При этом Ланг получил задание изучить возможности дальнейшего расширения российско-китайских отношений и собрать сведения о географии и современном положении дел в Китае. В сборе информации большую помощь ему оказали беседы с немецким миссионером-иезуитом Килианом Штумпфом, находившимся в то время в Пекине. На основании собранных материалов и собственных наблюдений Ланг составил «Описание государства Китайского». Также он приобрел в Пекине много типично китайских вещей, которыми Петр I остался очень доволен.

Убедившись в деловых качествах своего посланца, Петр в 1719 году поручил ему сопровождать в Пекин посольство Измайлова, после возвращения которого в Россию Ланг остался там на длительное время в качестве русского торгового резидента, налаживая связи с Китаем. Несколькими раз он побывал на приеме у цинского императора. В дальнейшем Ланг организовывал и сопровождал русские торговые караваны, направлявшиеся в Пекин. Во время своих поездок и пребывания в Пекине он вел подробные записи:

сохранилось четыре дневника Ланга, написанных им в разные годы, в которых содержится интересная информация о Китае, масштабах и ходе русско-китайской торговли, направлявшихся в Китай товарах [12]. Вот как Ланг описывал свою встречу с императором Канси:

«Наконец два иезуита – самых знатных из братства в Пекине – вышли к нам по приказу императора. Одного звали Килиан Штумпф, другого – Доменико Паренин. Они должны были по приказу императора спросить нас, давно ли мы выехали из Европы и сколько месяцев мы провели [в дороге] от Петербурга до Пекина, как здоровье их императорского величества. Когда мы на это ответили, доктору были заданы вопросы по медицине, а мне о войне. После этого император послал каждому из нас серебряную чашу с молоком и поджаренной мукой. При этом он велел сказать, что это чай, который он пьет обычно сам»¹⁵.

Доктор Гарвин тоже был представлен цинскому императору:

«После этого он приказал нашему доктору пощупать ему пульс и высказать свое мнение. Доктор выполнил требование и сказал, что он считает, что их императорское величество находятся в полном здравии. Этот ответ весьма понравился императору»¹⁶.

Поездки Лоренца Ланга в Пекин, инициированные самим Петром I, способствовали расширению знаний о Китае, что было необходимо для дальнейшего развития русско-китайских отношений.

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ

Петр Великий сыграл важную роль в создании в Пекине Российской Духовной миссии, которая в дальнейшем внесла существенный вклад в развитие русско-китайских отношений и научное изучение Китая. Ее значение в истории русско-китайских культурных связей отмечают не только российские, но и китайские ученые, которые видят в ее деятельности свидетельство мирных, добрососедских отношений и уникальный инструмент гуманитарного сотрудничества между двумя государствами, при помощи которого происходил культурный обмен и осуществлялась подготовка первых российских китаеведов и китайских русистов [16: 85], [17: 64]. В этой связи следует обратить внимание на царский указ от 18 июня 1700 года, в котором шла речь о начале обучения китайскому языку в России и который не только стимулировал изучение в России восточных языков, но и предопределил учреждение через несколько лет Российской Духовной миссии в Китае. Петр I принял личное участие в формировании состава

первой и второй Духовных миссий. Он также внимательно следил за деятельностью миссионеров-иезуитов в Цинской империи, стремясь осмыслить их опыт.

Отправка в Пекин первой Духовной миссии была вызвана тем, что к этому времени ушел из жизни первый православный священник в Китае – отец Максим Леонтьев, и проживавшие в Пекине албазинцы (потомки русских казаков), оставшиеся без духовного пастыря, обратились к митрополиту Тобольскому с тем, чтобы тот «ходатайствовал у Его Величества о присылке к ним для священнослужения и для исправления христианских треб священников»¹⁷. Петр I откликнулся на их просьбу. Как писал архимандрит Авраамий,

«со смертью албазинского пастыря для малой общины православных русских в Пекине, “хромавших уже на обе плесне”, возникла опасность быть поглощенными язычеством. К счастью их, русское духовное и светское правительство заранее озаботилось обеспечением их будущей судьбы и “во время благоприятно” послало им нравственно-религиозную помощь»¹⁸.

После длительной переписки император Канси дал разрешение на приезд новых священнослужителей из России. Согласие цинского императора через князя Гагарина дошло до Петра Великого, который решил воспользоваться удобным моментом и, понимая необходимость создания своего духовного представительства в столице Китая, где уже давно находились иезуиты, утвердил решение об отправке в Пекин Духовной миссии.

Имеющиеся источники подтверждают, что сотрудники первой православной миссии во главе с архимандритом Иларионом (Лежайским) были встречены в Пекине с почетом. Им были выделены казенные квартиры и временное денежное довольствие («поверстаны были в жалованье, и дано было им дворы, и жить велено»¹⁹). И хотя документов того времени почти не сохранилось, исследователи отмечали, что деятельность первой миссии была весьма успешной. Архимандрит Иларион организовал правильное и стройное богослужение, привлекая в церковь не только албазинцев, но и других жителей Пекина. Успехи и достижения Миссии были во многом обусловлены удачным выбором кандидатуры ее начальника:

«Архимандрит Иларион, по мысли Петра I, оказался человеком “разумным и покладным”. По своему нравственному характеру он заслужил уважение не только от своих пасомых, но и от самого богдыхана, который каждый месяц присылал в миссию чиновника спрашивать о здоровье его начальника и нуждах Миссии»²⁰.

Однако тяжелый климат и непривычные условия жизни вызвали серьезное ухудшение здоровья архимандрита Илариона, и он часто посещал целебные источники, расположенные вблизи китайской столицы. Во время одной из таких поездок в 1717 году архимандрит скончался, после чего Петр I принял решение о формировании второго состава Духовной миссии.

ПОСОЛЬСТВО ЛЬВА ИЗМАЙЛОВА

4 июня 1719 года Петр I подписал указ об отправке в Пекин посольства для переговоров о возобновлении прерванной торговли и заключения торгового договора, которое возглавил капитан лейб-гвардии Преображенского полка Лев Измайлов. 18 ноября 1720 года русский посол в сопровождении многочисленной свиты торжественно въехал в столицу Цинской империи.

Современные китайские историки отмечают, что император Канси отнесся к русскому послу весьма благосклонно, приказал организовать торжественную встречу, обеспечить посольство достойным жильем и хорошим питанием, лично принял грамоту из рук русского посла. Император десять раз встречался с Измайловым и говорил о заинтересованности в поддержании добрососедских отношений с Россией [14: 65–67].

Хотя Л. Измайлову пришлось столкнуться с большими сложностями при выполнении условий китайского дипломатического этикета и излишними требованиями со стороны цинских чиновников, он все-таки смог добиться допуска русского торгового каравана в Пекин и разрешения оставить Лоренца Ланга в качестве торгового агента (подробнее см. [10]). Однако, когда послу почти удалось достичь более масштабного соглашения, возникла проблема, связанная с переходом на российскую территорию монголов-перебежчиков, и переговоры были прерваны, а Измайлову пришлось покинуть китайскую столицу. Стоит отметить, что все проблемы, породившие разногласия в ходе переговоров, были разрешены позднее – с подписанием в 1727 году Кяхтинского договора.

ДЖУНГАРСКИЙ ФАКТОР В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

На отношения между Россией и империей Цин серьезное влияние оказывала политика Джунгарского ханства, с которым цинский Китай находился в постоянном конфликте, и Петру Великому приходилось учитывать этот фактор.

В начале XVIII века Джунгарское ханство – сильнейшее государство Центральной Азии ак-

тивизировало внешнюю политику, стремясь привлечь на свою сторону калмыков, проживавших на Волге. Дело в том, что в конце XVI – начале XVII века племена западных монголов (ойратов), проживавшие на территории Джунгарии и в соседних регионах, разделились: одна часть откочевала в район озера Кукунор, другая осталась на месте и образовала Джунгарское ханство, а третья (калмыки) ушла в пределы Русского государства, где в дальнейшем в низовьях Волги сформировалось Калмыцкое ханство, обладавшее самоуправлением [9]. В начале XVIII века царское правительство старалось не вмешиваться во внутренние дела Калмыцкого ханства и в его контакты с восточными правителями, поскольку было заинтересовано в лояльности калмыков, участвовавших в обеспечении безопасности южных границ Российского государства и принимавших активное участие в войнах, которые вела Россия [7], [13]. Калмыцкие ханы могли самостоятельно поддерживать отношения с отдельными странами Востока. В 1690 году правитель калмыков Аюка²¹ официально принял титул хана от Далай-ламы VI, и это было признано российскими властями. Калмыцкое ханство сохраняло духовные связи и постоянно контактировало с другими монгольскими государствами и тибетским духовенством. «Калмыки не имели общей границы с Китаем, поэтому связи с ним возникали лишь в контексте отношений с Тибетом» [11: 38].

В то же время Цинская империя, начав борьбу против Джунгарского ханства, также стремилась привлечь калмыков на свою сторону. В 1712 году император Канси принял решение отправить посольство к калмыцкому хану Аюке, ставка которого располагалась в низовьях Волги, получив согласие российских властей. Петр I в то время был всецело занят Северной войной и не имел возможности лично встретиться с посланцами Цинской империи, однако, будучи заинтересован в развитии связей с Китаем, не только разрешил посольству проехать по территории России, но и распорядился повсюду оказывать послам почести и устроить торжественный прием в Тобольске – фактической столице Сибири [9].

Однако не только цины стремились привлечь на свою сторону калмыков. Правитель Джунгарского ханства хунтайджи²² Цэван-Рабдан²³, стремясь укрепить личные связи, взял в жены дочь калмыцкого Аюка-хана Сетер-Джаб, а его двоюродная сестра Дармабала стала четвертой женой Аюки. Кроме того, через Джунгарию пролегал наиболее удобный путь из Калмыцкого ханства

в Тибет, и это приходилось учитывать, поскольку в противном случае буддийским паломникам из Калмыкии пришлось бы добираться в Лхасу через Сибирь и весь Китай. В итоге Цэван-Рабдан сумел установить достаточно прочные связи с Аюка-ханом, хотя последний всячески уклонялся от участия в каких бы то ни было военных действиях на стороне Джунгарского ханства. В то же время Цэван-Рабдану удалось исключить возможность выступления калмыцких воинских формирований на стороне Цинской империи.

Нейтралитет Калмыцкого ханства в джунгаро-цинском конфликте, по мнению Петра, был важен для России и поэтому всячески им поддерживался. Кроме того, особое положение Калмыцкого ханства и имевшиеся у него возможности вести внешнеполитические дела могли стать дополнительным фактором продвижения России на Восток. В то же время, как писал И. Я. Златкин, «в 20-х годах XVIII в. некоторые круги калмыцкой аристократии вынашивали план откочевки калмыков с Волги и их объединения с Джунгарским ханством» [3: 221]. Однако этим планам не суждено было осуществиться, поскольку большая часть калмыков не хотела покидать уже освоенные и обжитые ими степи Поволжья. Несмотря на то что идею объединения калмыков с джунгаро-ойратским государством поддержал Далай-лама, она не была принята большинством владетельных князей.

Петр I и его правительство внимательно наблюдали за развитием связей между калмыками и Джунгарским ханством и стремились их контролировать. Аюка-хан, не желая осложнять отношения с русским царем, стремился информировать его о своих контактах, при этом сохраняя за собой право поддерживать самостоятельные внешние сношения. Так, например, когда его сын Санжиб после ссоры с отцом решил откочевать в Джунгарию с несколькими тысячами подвластных ему калмыцких семей, а Цэван-Рабдан, оставив у себя всех его подданных, отправил Санжиба обратно, Аюка решил объяснить Петру сложившуюся ситуацию и написал ему:

«К контайше часто посланцов посылаю для того, что сын мой, когда от меня откочевал, с собою многих подданных отвез из калмыков. Тогда он, контайша, всех при нем бывших улусов и калмыков насильством своим у себя удержал, токмо сына моего самого одного отпустил» [3: 222].

В 1715 году разразилась продолжавшаяся около десяти лет цинско-джунгарская война, которая завершилась включением в состав Китая Кукунора и Тибета и выходом цинских войск к юго-

восточным границам Джунгарского ханства. Одновременно, начиная с 1716 года, обострились отношения между Россией и джунгаро-ойратским государством, что было вызвано взаимными притязаниями на пограничные территории. В этот период возникло прямое соприкосновение владений России и Джунгарии на юге Сибири – в верховьях Иртыша и Енисея. Попытки решить эти вопросы путем переговоров не увенчались успехом, а направленного в 1717 году для улаживания конфликта И. Чередова джунгарский хан продержал под стражей пять лет.

18 декабря 1716 года Петр I написал на донесении сибирского губернатора М. П. Гагарина по поводу джунгар: «Однако ж ежели они будут смирно жить, то с ними не воевать» [3: 227]. В 1720 году отряд майора Ивана Лихарева (члена следственной комиссии по делу М. П. Гагарина) добрался до озера Зайсан. Не найдя там подходящего места для строительства крепости, он направился вверх по Черному Иртышу, где столкнулся с джунгарским отрядом под командованием сына Цэван-Рабдана – Галдан-Цэрэна, который, встретив русских военных, заподозрил наличие союза между Россией и Цинской империей. После нескольких столкновений отряда Лихарева с ойратами мир был восстановлен, русские и ойраты «переслались подарками» [2: 71], а в дальнейшем Цэван-Рабдан, сообщивший через находившегося у него в плену И. Чередова, что хочет жить в мире и развивать торговые связи, даже стал искать у России защиты от цинского Китая. В 1721 году он направил в Петербург своего представителя, который был принят Петром I и попросил русского царя «направить вверх по Иртышу тысяч двадцать русского войска» [3: 229], чтобы защитить хунтайджи от цинского императора.

Важнейшим событием в русско-джунгарских отношениях стало посольство во главе с капитаном артиллерии И. Унковским 1722–1723 годов²⁴, цель которого состояла в том, чтобы убедить Цэван-Рабдана отправить в Тобольск посольство для подписания договора о переходе его в российское подданство на условиях, аналогичных статусу Калмыцкого ханства.

В ноябре 1720 года, когда в Китае находился посол Л. Измайлов, к нему явился заргучи²⁵ Тулишэнь, сообщивший о том, что после нескольких серьезных побед цинской армии в Пекин прибыл джунгарский посол с просьбой о мире, и попросил русского посланника принять посланца Цэван-Рабдана и объявить ему, что хунтайджи не следует ссориться «с такими

великими государями»²⁶, тем самым создав впечатление согласованности действий китайского и российского императоров. Однако Измайлов наотрез отказался: «И после тех разговоров заргучей от посланника пошел с сердцом (и держали посланника три дни, не давая корму и дров)»²⁷.

Посланник Петра I Лоренц Ланг, посетивший в 1721–1722 годах Пекин, также старался узнать у цинских сановников о войне с джунгаро-ойратским государством и 21 октября 1721 года общался российскому императору:

«Война с контайшами (джунгарами. – Н. С.) китайцем есть весьма трудна, понеже их армия, которая, как я уведал, состоит в 200 000 человек и ежегодно от морового поветрия умалывается, ибо в той стране, где они свой лагерь имеют, нездоровой воздух есть, таже нужда в провианте так велика, что принуждены ясти падшия верблюды, лошадей и другую скотину, и при том малую порцию получают пшена сорочинского (риса. – Н. С.)»²⁸,

однако Цэван-Рабдан мог согласиться на мир лишь при условии признания его ханства независимым от Цинской империи, даже уступив цинам некоторые территории.

В мае 1722 года Лифаньюань (Палата внешних сношений) принял решение о высылке из Пекина Лоренца Ланга и временном прекращении русско-китайской торговли. Поводом для подобных недружественных действий стали переговоры о принятии джунгар в российское подданство.

2 февраля 1723 года Ланг написал императору, что Цэван-Рабдан «с Китайским государством ни в какое примирение вступить не хочет» и что «он всегда готов будет с китайской армиею баталию дать, ежели она к ним придет»²⁹. 1 мая последовало определение Коллегии иностранных дел о сборе сведений относительно перебежчиков из цинских владений³⁰, а 3 июня 1723 года (11 числа 5-го месяца 1 года эры правления Юнчжэн) из Лифаньюаня новому сибирскому губернатору князю А. М. Черкасскому было направлено послание с требованием выдачи 14 джунгарских беглецов, взятых в плен цинами, но сбежавших на территорию Российской империи³¹.

13 июня 1723 года Ланг направил в Коллегию иностранных дел реляцию, в которой говорилось, что после кончины императора Канси и вступления на престол его четвертого сына, избравшего девиз правления Юнчжэн, хунтайджи Цэван-Рабдан объявил о том, что он «не склонен на великодушных кондициях в мир вступить», но если новый император будет стремиться «его китайским вассалом учинить, то он всякую си-

люю тому противитца станет»³². Он также высказал требование об отводе цинских войск от границ Джунгарии. Ланг также отмечал, что цинские сановники, с которыми он общался, выражали недовольство тем, что между Россией и Джунгарией стали складываться дружеские отношения. Россия оказалась в выигрышном положении, поскольку в ее помощи были заинтересованы оба противоборствовавших государства.

4 апреля 1724 года джунгарский посол Доржи, прибывший в Россию вместе с возвратившимся И. Унковским, был принят Петром I, однако стороны ограничились заверениями в традиционной дружбе. В то же время расширялись торговые связи и поездки русских купцов в Джунгарию. 19 января 1721 года Петр I подписал указ, в котором повелевал «завезть купечество» с ойратами: «с Контайшею сделать мир и завезть купечество с ним»³³.

Исходя из имевших место исторических фактов нельзя согласиться с некоторыми китайскими авторами, которые считают, что Петр I скрытно поддерживал джунгар в их войне против Цинской империи, и усматривают в этом «коварное вмешательство во внутренние дела своего государства и основную причину прекращения в 1722 году цинами торговли с Россией на несколько лет» [4: 20].

Безусловно, фактор существования в Центральной Азии Джунгарского ханства оказывал влияние на характер русско-китайских отношений, но политика невмешательства в джунгаро-цинский конфликт, которую осуществлял Петр I, позволила ему поддерживать нормальные отношения с противоборствующими сторонами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имеющиеся исторические факты позволяют сделать вывод о том, что в Петровскую эпоху китайское направление занимало существенное место во внешней политике России. И хотя активность российской дипломатии на этом направлении существенно уступала тому, как развивались отношения с европейскими странами, внимание Петра Великого к Китаю было постоянным и значительным. Стала развиваться торговля между двумя странами. Появление в Пекине Российской Духовной миссии положило начало духовным, научным и культурным связям. Вся политика Петра I в отношении Китая была направлена на поддержание мира и добрососедства между двумя странами и спокойствия на русско-китайской границе.

А. Д. Воскресенский отмечает, что «отношения России и Китая представляли собой постоянную эволюционную корректировку системы в направлении стабильного равновесия, достигнутого во второй половине XIX века» [1: 180]. К этому можно добавить, что именно политика Петра I дала импульс для развития двусторон-

них отношений в направлении стабильного равновесия. Своей деятельностью первый российский император заложил основы для создания единого евразийского геополитического и социокультурного пространства и сформировал парадигму евразийской политики Российской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русско-китайские отношения. 1689–1916: Официальные документы. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 10.
- ² Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т. 1: 1700–1725 / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1978. С. 75.
- ³ Русско-китайские отношения. 1689–1916... С. 10.
- ⁴ Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Вступ. ст., пер. и коммент. М. И. Казанина. М.: Глав. ред. восточной лит., 1967. С. 343.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 344.
- ⁷ Коуту – ритуал тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья, который, согласно традиционному китайскому дипломатическому этикету, должен совершаться во время аудиенции у императора при приближении к его особе. Включал в себя необходимость трижды опуститься на колени из положения стоя, и каждый раз, стоя на коленях, три раза исполнить поклон.
- ⁸ Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань: Типография Императорского ун-та, 1882. С. 70.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Коростовец И. Я. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1898. С. 569.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай... С. 323.
- ¹³ Там же. С. 12.
- ¹⁴ Там же. С. 13.
- ¹⁵ Русско-китайские отношения в XVIII веке... С. 494.
- ¹⁶ Там же. С. 495.
- ¹⁷ Веселовский Н. И. Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине. СПб.: Типография главного управления уделов, 1905. С. 12.
- ¹⁸ Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б. Г. Александров. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 23.
- ¹⁹ Русско-китайские отношения в XVIII веке... С. 365.
- ²⁰ Бэй-гуань... С. 24–25.
- ²¹ Аюка (Аюши, 1642–1724), с 1672 года правитель калмыков, с 1690 года – первый калмыцкий хан. Под его властью Калмыцкое ханство достигло пика экономического, политического и военного могущества. В 1722 году Аюка-хан встречался с императором Петром Великим.
- ²² Хунтайджи (также «контайша», монгольское слово, происходящее от китайского: 浑台吉 – «хуньтайцзи») – титул некоторых монгольских правителей, восходит к китайскому титулу «хуан тайцзы» (皇太子 – «наследный принц»), его появление связывают с именем Хубилай-хана. Титул «хунтайджи» носили потомки Чингисхана, владевшие территориальными доменами. В середине XVII века этот титул был пожалован Далай-ламой V одному из правителей Джунгарского ханства, хотя он и не был чингисидом. В дальнейшем закрепился за правителями Джунгарии.
- ²³ Цэван-Рабдан (1663–1727) – четвертый хан Джунгарского ханства. В 1700 году завоевал Восточный Туркестан. В 1715–1721 годах вел войны против империи Цин.
- ²⁴ И. Унковский оставил интересные и содержательные записи о своем путешествии и переговорах с Цэван-Рабданом: Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1887. 276 с.
- ²⁵ Цзаргучи (заргучи, заргучей) – чиновник, совмещавший административные и судебные функции.
- ²⁶ Русско-китайские отношения в XVIII веке... С. 207.
- ²⁷ Там же. С. 208.
- ²⁸ Там же. С. 317.
- ²⁹ Там же. С. 351.
- ³⁰ Там же. С. 379.
- ³¹ Там же. С. 382.
- ³² Там же. С. 383.
- ³³ Полное собрание законов Российской империи / Под ред. М. М. Сперанского. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 6. С. 313.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: Издательский центр научных и учебных программ, 1999. 408 с.
2. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1979. 311 с.
3. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, 1635–1758. М.: Наука, 1983. 332 с.
4. Маяцкий Д. И. Внешняя политика Петра Великого в статьях китайских историков 1980–1990-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 6. С. 15–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512
5. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 312 с.
6. Мясников В. С. Кастальский ключ китаеведа. Сочинения: В 7 т. Т. 1–7. М.: Наука, 2014.
7. Очиров А. В. Участие калмыков в войнах России (первая треть XVIII – начало XIX в.) // Вестник Тамбовского университета. 2012. № 9 (113). С. 333–338.
8. Самойлов Н. А. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 65–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.658
9. Самойлов Н. А. Образ Петра Первого в «Записках» цинского посланника Тулишэня // Клио. 2021. № 5 (173). С. 33–42.
10. Самойлов Н. А. Посольство Льва Измайлова в Цинскую империю (Особенности русско-китайских отношений в эпоху Петра Великого) // Клио. 2021. № 12 (180). С. 35–42.
11. Цюрюмов А. В. Калмыки и русско-китайские отношения в первой половине XVIII в. // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 2 (42). С. 36–43.
12. Шафрановская Т. К. Путешествие Л. Ланга в 1715–1716 гг. в Пекин и его дневник // Страны и народы Востока. Вып. 2. М.: Наука, 1961. С. 188–205.
13. Шовунов К. П. Очерки военной истории калмыков XVII–XVIII вв. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1991. 191 с.
14. 叶柏川. 俄国来华使团研究 (1618–1807)。北京: 社会科学文献出版社, 2010. 457 页。(Е Байчуань. Исследование российских дипломатических миссий, направленных в Китай. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2010. 457 с.)
15. 近代来华外国人名辞典。北京: 中国社会科学出版社, 1981. 643 页。(Словарь имен иностранцев, посещавших Китай в Новое время. Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 1981. 643 с.)
16. 左书谔. 论康熙时期的中俄关系 // 黑河学刊 (地方是版), 1985 年, 第04期. 81–86 页。(Цзо Шуэ. О российско-китайских отношениях периода Канси // Хэйхэский вестник (Серия: Краеведение). 1985. № 4. С. 81–86. DOI: 10.14054/j.cnki.cn23-1120/c.1985.04.016)
17. 赵士国. 论康熙时期的中俄关系述论 // 湖南师范大学社会科学学报, 1997 年, 第26卷, 第06期. 60–65 页。(Чжао Шиго. Размышления о российско-китайских отношениях в период Канси // Вестник Хунаньского педагогического университета. Общественные науки. 1997. Т. 26, № 6. С. 60–65.)

Поступила в редакцию 28.03.2022; принята к публикации 28.04.2022

Original article

Nikolay A. Samoylov, Dr. Sc. (History), Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1361-0847; n.samoylov@spbu.ru

CHINESE VECTOR OF PETER THE GREAT'S FOREIGN POLICY

Abstract. The article is the first comprehensive analysis of Peter the Great's role in the formation of the Chinese vector of Russian foreign policy at the beginning of the XVIII century. The contribution of Peter the Great to this process can hardly be overestimated. Through his activities, the first Russian emperor laid foundations for creating a unified Eurasian geopolitical and sociocultural space and formed the paradigm of the Eurasian policy of the Russian Empire. During this period, thanks to Peter the Great's efforts, Russian-Chinese trade entered the phase of active development. The establishment of the Russian Ecclesiastical Mission in Beijing marked the beginning of spiritual, scientific and cultural ties between the two countries. The policy of Peter the Great towards China on the whole was aimed at maintaining peace and good neighborliness between the two countries and tranquility on the Russian-Chinese border. The relevance of this topic at the present time is due to the steady pivot of Russia's foreign policy to the East and the need for a deeper study of the history of Russian-Chinese relations.

Keywords: Peter the Great, Russian-Chinese relations, foreign policy, Qing Empire, Kangxi, Dzungar Khanate

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 “Image of Peter the Great in East Asian countries: Sociocultural interpretation and adaptation”.

For citation: Samoylov, N. A. Chinese vector of Peter the Great’s foreign policy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):69–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.769

PEFERENCES

1. Voskresensky, A. D. Russia and China: theory and history of interstate relations. Moscow, 1999. 408 p. (In Russ.)
2. Gurevich, B. P. International relations in Central Asia from the XVII to the first half of the XIX centuries. Moscow, 1979. 311 p. (In Russ.)
3. Zlatkin, I. Ya. History of the Dzungar Khanate. Moscow, 1983. 332 p. (In Russ.)
4. Maiaatskii, D. I. Foreign policy of Peter the Great in the articles of Chinese historians of the 1980s and the 1990s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(6):15–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512 (In Russ.)
5. Myasnikov, V. S. The Qing Empire and the Russian state in the XVII century. Moscow, 1980. 312 p. (In Russ.)
6. Myasnikov, V. S. The Castalian Spring of the sinologist. Complete works: In 7 vols. Vol. 1–7. Moscow, 2014. (In Russ.)
7. Ochirov, A. V. Participation of Kalmyks in wars of Russia (first third of 18 – beginning of the 19th centuries). *Tambov University Review*. 2012;9(113):333–338. (In Russ.)
8. Samoylov, N. A. Peter the Great’s contribution to the socio-cultural interaction between Russia and East Asian countries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):65–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.658 (In Russ.)
9. Samoylov, N. A. Image of Peter I in the “Records” written by the Qing Dynasty diplomat Tulišen. *Klio*. 2021;5(173):33–42. (In Russ.)
10. Samoylov, N. A. Lev Izmailov’s Mission to the Qing Empire (specific features of Russian-Chinese relations at the time of Peter the Great). *Klio*. 2021;12(180):35–42. (In Russ.)
11. Tsurumov, A. V. Kalmyks and the Russian-Cino relations in the first half of the XVII-th century. *Bulletin of Kalmyk University*. 2019;2(42):36–43. (In Russ.)
12. Shafranovskaya, T. K. Journey of Lorenz Lange to Beijing in 1715–1716 and his diary. *Countries and peoples of the East*. Moscow, 1961. Issue 2. P. 188–205. (In Russ.)
13. Shovunov, K. P. Essays on the military history of the Kalmyks in the XVII–XVIII centuries. Elista, 1991. 191 p. (In Russ.)
14. 叶柏川。俄国来华使团研究 (1618–1807)。北京: 社会科学文献出版社, 2010. 457 页。
15. 近代来华外国人名辞典。北京: 中国社会科学出版社, 1981. 643 页。
16. 左书谔。论康熙时期的中俄关系 // 黑河学刊 (地方是版), 1985 年, 第04期。81–86 页。
17. 赵士国。论康熙时期的中俄关系述论 // 湖南师范大学社会科学学报, 1997 年, 第26卷, 第06期。60–65 页。

Received: 28 March, 2022; accepted: 28 April, 2022